

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Фантазмагории в бременском винном погребке. Осенний подарок друзьям вина, стр. 5

В ночном дозоре на постуСтою от вахты за верстуИ думу думаю своюПро милую в родном краю.Я помню поцелуй ее,Когда погнали под ружье.Она мне шапку подалаИ на прощанье обняла.Пусть ночь темна и холодна,Зато мне милая верна.Едва подумаю о ней —Теплей и сердцу веселей.Сейчас в каморку ты войдешь,Лампаду робкую зажжешь,Чтоб помолиться перед сномО суженом в краю чужом.Но коли ты сейчас грустишь,И слезы льешь, и ночь не спишь, —Не убивайся, срок пройдет,Господь солдата сбережет.Пробило полночь в тишине,Уж на подходе смена мне,В каморке тихой засыпайИ в снах меня не забывай!

Вспоминает ли она обо мне в своих сновидениях? Я пел под глухое гудение колоколов. Уже полночь? В полуночном часе есть особая таинственная жуть; чудится, будто тихо-тихо вздрагивает земля, спящие под ней люди, поворачиваясь на другой бок, сотрясают тяжелый кров и спрашивают соседа, что покоится в ближней каморке: «Утро еще не настало?» Совсем иначе доходит вниз ко мне трепетный голос полуночного колокола, совсем иначе, чем в полдень, когда он звонко разносится в светлом чистом воздухе. Тише! В погребке как будто скрипнула дверь? Странно, если бы я не знал, что здесь внизу я совсем один, если бы я не знал, что люди ходят только там, наверху, я бы подумал, что тут, в подвалах, раздаются шаги. Ой, так и есть; шаги ближе; кто-то ищет ощупью дверь, вот нашел ручку, нажимает, но дверь заперта на ключ, закрыта на засовы и задвижки. Сегодня ночью меня не потревожит ни один смертный. Ой, что это? О, ужас! Дверь отворяется!

В дверях стояли двое, они отвешивали церемонные поклоны, уступая друг другу дорогу. Один был длинный, худой, в пышном черном парике с буклями, в темно-красном кафтане допотопного покроя, отделанном золотыми галунами и золототкаными пуговицами; его невероятно длинные, тощие ноги торчали из узких штанов черного бархата с золотыми пряжками у колен, ниже шли красные чулки, а на башмаках тоже красовались золотые пряжки. Шпагу с фарфоровым эфесом он просунул в клапан на штанах. Размахивая маленькой шелковой треуголкой, он отвешивал поклоны, и при этом букли парика водопадными струйками ниспадали ему на плечи. Лицо у него было бледное, изможденное, глаза глубоко запавшие, большой нос огненно-красного цвета. Его спутник, гораздо ниже его ростом, которому он уступал дорогу, имел совсем иное обличье. Волосы у него были прилизаны, смазаны яичным белком, только на висках закручены в две трубочки, похожие на кобуры пистолета. Коса длиной в локоть сползала вдоль спины, на нем был светло-серый мундир с красными отворотами, ноги были всунуты в ботфорты, а упитанный животик – в богато расшитый камзол, доходивший до самых колен; на поясе висела рапира невероятной длины. В его заплывшем жиром лице было какое-то добродушие, особенно в маленьких рачьих глазках. Для вящей учтивости он размахивал огромной войлочной шляпой с загнутыми с двух сторон полями.

После того как я оправился от первого испуга, у меня осталось еще достаточно времени для наблюдений, ведь эти господа в течение нескольких минут выделяли в дверях всякие искуснейшие антраша. Наконец длинный распахнул настежь дверь, взял низенького под руку и ввел его в мою залу. Они повесили шляпы на стену, отстегнули шпаги и молча сели за стол, не обратив на меня внимания. «Разве сегодня в Бремене карнавал?» – подумал я, разглядывая странных гостей. И все же в их облике было что-то жуткое. Не по себе было мне от их застывшего взгляда, от их молчания. Я уже хотел собраться с духом и заговорить, но тут в погребке снова послышался шум шагов. Шаги приблизились, дверь открылась, и четверо новых господ, тоже в старомодной одежде, вошли в зал. Мое внимание особенно привлек один, в охотничьем костюме, с арапником и рогом. Он чрезвычайно весело огляделся вокруг.

– Мое почтение, милостивые государи с берегов Рейна! – произнес басом длинный в красном кафтане, встав и отвесив поклон.

– Мое почтение, – пропищал маленький, – давно не видались, господин Иаков!

– Эй, эй, больше бодрости! Доброго здоровья, господин Матфей! – обратился охотник к маленькому. – И вам тоже, господин Иуда, и вам тоже доброго здоровья! Но что это значит? Где бокалы? Где трубки и табак? Видно, он, старый греховодник, жалкая мокрица, еще не очнулся от сна?

– Вот ведь лежебока! – отозвался маленький. – Этакий соня, лежит себе полеживает на кладбище, но погоди же, я тебя сейчас вызвоню!

С этими словами он схватил колокол, стоявший на столе, и зазвонил и засмеялся резко и пронзительно. Остальные трое вновь пришедших тоже пожелали здравствовать всей честной компании и, поместив в угол палки, шпаги и шляпы, сели за стол. Того, что сидел между охотником и красным Иудой, они называли Андреем. Это был изящный, весьма приятный господин, на его прекрасных, еще юношеских чертах лежала печать строгой грусти, а на нежных губах блуждала кроткая улыбка; он был в белокуром с буклями парике, составлявшем разительный, однако приятный контраст с его большими карими глазами. Напротив охотника сидел крупный мужчина с красными прожилками на щеках и багровым носом. Нижняя губа у него отвисла; он барабанил пальцами по толстому животу. Они называли его Филиппом.

Рядом с ним сидел ширококостный мужчина, похожий на воина; его темные глаза сверкали отвагой, яркий румянец играл на щеках, густая борода затеняла рот. Его называли господин Петр.

Как у истых пьяниц, разговор без вина у них не клеился. Тут в дверях появилась новая фигура: седенький старичок на дрожащих ногах. Голова его казалась черепом, обтянутым сухой кожей, тусклые глаза глубоко запали. Тяжело дыша, втащил он в погреб большую корзину и смиренно поклонился гостям.

– Смотрите-ка! Вот и он, вот Валтасар, старый сторож винного погреба! – приветствовали его гости. – Пошевеливайся, старик, ставь бокалы и подавай трубки! Где это ты застрял? Уже далеко за полночь.

Старик несколько раз не совсем благопристойно зевнул, да и вообще вид у него был заспанный.

– Чуть не проспал первое сентября, – прокряхтел он. – У меня такой крепкий сон, а с тех пор как кладбище замостили, я плохо слышу. Но где же остальные гости? – продолжал он, доставая из корзины и ставя на стол бокалы причудливой формы и внушительных размеров. – Где же остальные? Вас всего шестеро, и старой Розы тоже нет.

– Ставь штофы, – приказал Иуда, – чтобы мы могли наконец выпить, и ступай за ними. Они еще в бочках, постучи своими костяшками и вели им вставать, скажи, мы все уже в сборе.

Но не успел господин Иуда промолвить эти слова, как за дверью раздался громкий шум и смех.

– Гип-гип-ура! Да здравствует девица Роза, ура! И ее драгоценному дружочку Бахусу тоже ура! – раздались голоса, и сидящие за столом таинственные гуляки повскакивали с мест, громко крича: – Она, она тут! Девица Роза, и Бахус, и все остальные, ура! Теперь пойдет настоящее веселье! – И они подымали заздравные чаши, смеялись; толстяк барабанил себя по животу, а бледный сторож добросил шапку до самой подволоки, ловко швырнув ее между расставленными ногами, и присоединился к общему ликованию, крича: «Гип-гип-ура!» – да так пронзительно, что у меня зазвенело в ушах. Какое зрелище! Деревянный Бахус, проскакавший по погребу верхом на бочке, спешил и, как был, голышом, затопал маленькими ножками в зал, своим круглым ласковым личиком и ясными глазками приветствуя всю компанию. Он вел за руку, почтительно, как невесту, старую матрону высокого роста и внушительных объемов. Я по сей день не знаю, как могло это случиться, но тогда меня как осенило: эта дама и есть старая Роза, огромная бочка в Розовом подвале.

И как же эта старая рейнская уроженка разоделась! В молодости она, надо думать, была очень хороша собой. Хотя время и проложило морщины у нее на лбу и возле рта, хотя яркий румянец молодости и сошел с ее щек, все же два столетия не смогли [Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) ... [14](#) >> [Дальше](#)